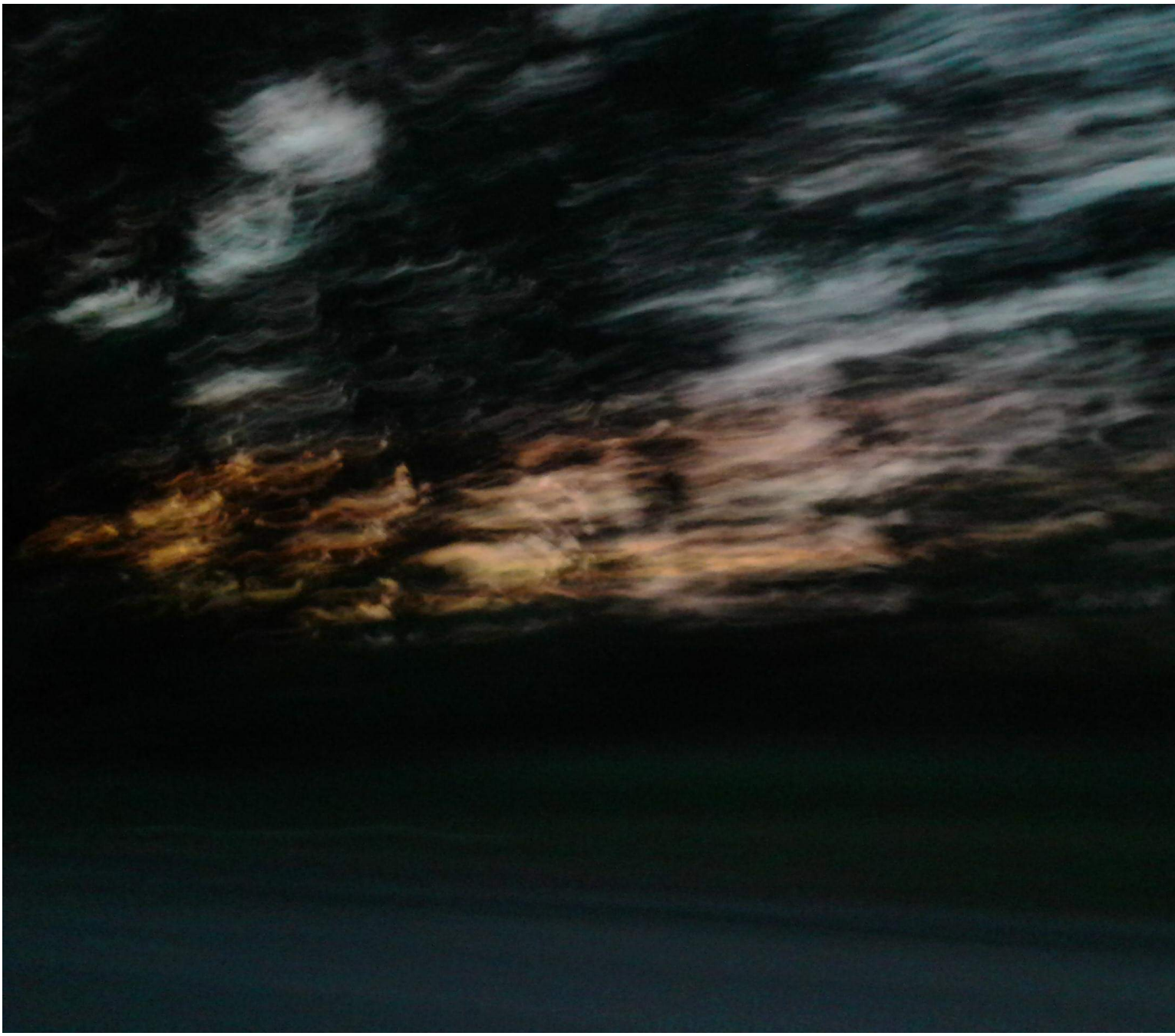
Четыре дня в дороге Валентины Петровой

Работы Валентины Петровой часто напоминают испытания: над собой или другими. Например, перформанс на открытии выставки “Що в мені є від жінки” или хэппенинг “Стильна та вишукана вечеря”. Несколько недель назад, Валентина провела 4 дня в дороге, во время одноименного проекта ЦСМ. Все четыре дня она не выходила за пределы Подола, который считается в Киеве креативным и культурным районом. Помимо того, что никто не знал ее маршрут, то есть она стала невидимой, художница не документировала что она видела, где ходила и что чувствовала в те или иные моменты. Её эксперимент над собой, который она называет пребыванием в дороге и путешествием, – это не только попытка вывести джентрифицированный Подол “на чистую воду”, но и нежелание объективизировать свои художественные практики. Валентина рассказывает о своих открытиях во время четырех дней в дороге, справедливом городе и назойливых образах.

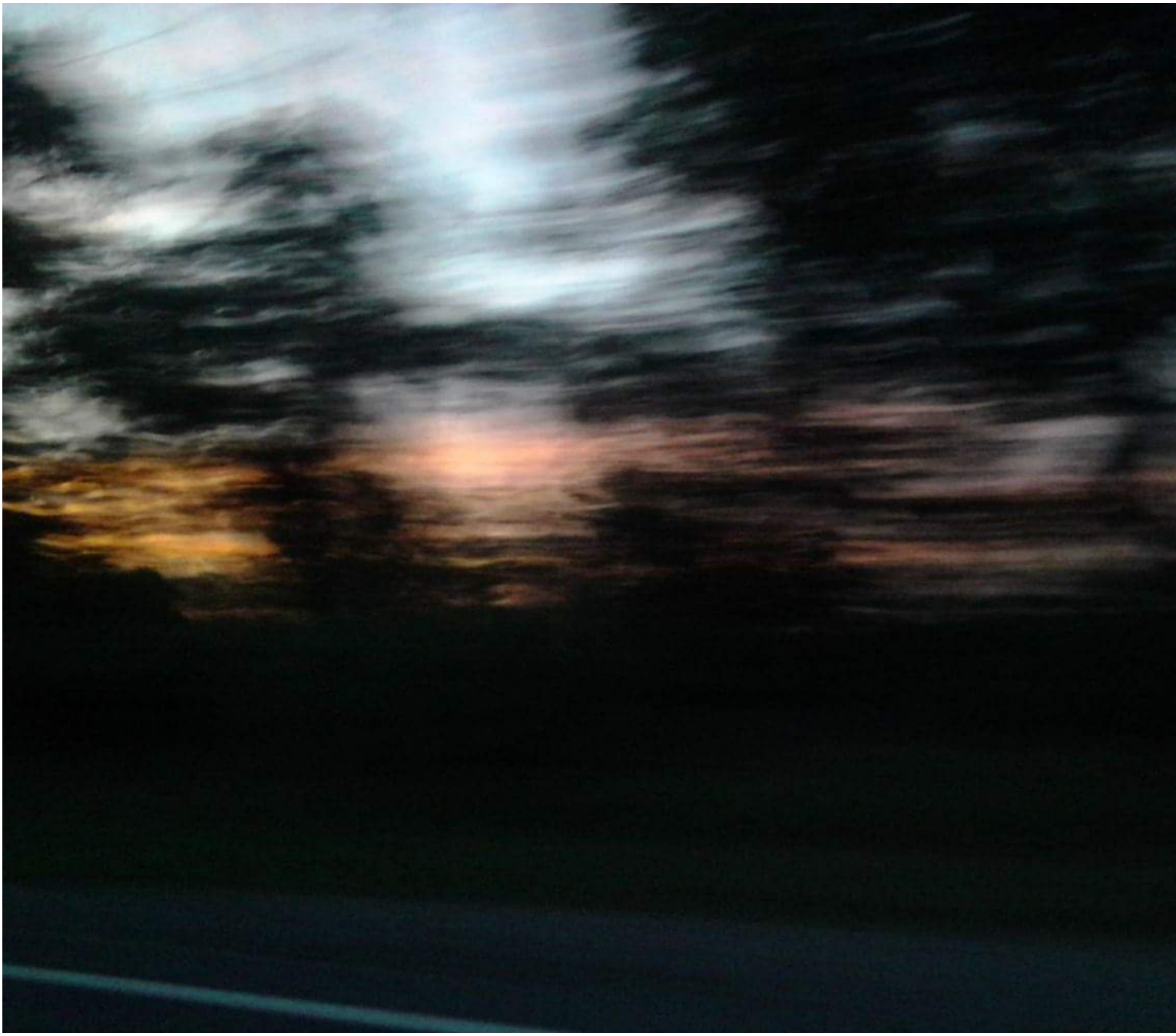
Оксана Семеник: Проект назывался “Четыре дня в дороге” и, в сущности, ты действительно провела эти три дня, исследуя район пешком. Но перед интервью ты сказала, что не важно, как именно проходило твое путешествие. Почему?

Валентина Петрова: Опыт пребывания в дороге есть почти у каждого человека, которая/который хотя бы раз покидал(а) свое основное место жительства. То есть мой опыт не уникален. Тогда почему публично я об этом говорю, а, например, ты – нет? Бессонные ночи, поиск ночлега, поиск места, где ты можешь поесть и не отдать за это все деньги, перемещение пешком, смена транспорта – нет, я не настолько самонадеянна, чтобы считать это интересной темой для разговора вне круга близких мне людей. Кроме того есть рефлексия места, из которого я говорю – и осознание своего социального капитала и своего статуса художницы не позволяет мне вслух размышлять о чем-либо, если основной предпосылкой к этому размышлению является наличие этого капитала и этого статуса. Ну, например, давай представим, что мы берем интервью у ромской женщины, которая живет в

таборе и вместе с этим табором перемещается по стране/по странам. Вот ее рассказ о том, как происходит ее пребывание в дороге и что она при этом переживает - это уникальный опыт, это Другой опыт – об этом важно и нужно говорить.

ОС: Разве то, что ты повторяла один и тот же маршрут несколько дней почти без остановки не делает твой опыт таким особенным?

ВП: Но я не повторяла один и тот же маршрут, передо мной не стояло такой задачи. Да этого маршрута и не было изначально. Просто Подол это настолько маленькое пространство, что ты хочешь/не хочешь, но ходишь по одним и тем же местам. И повторение не маршрута, но этих мест тут скорее является побочным эффектом. Еще мне кажется, что такая повторяемость компенсировала отсутствие состояния «дом далеко», потому что если бы я находилась на Подоле всего один день, это было бы похоже на обычную прогулку в одном из центральных районов Киева.
Важность этой работы для меня заключена не в том, что происходило во время путешествия, и как я себя чувствовала. Я, разумеется, ни в коем случае не обесцениваю свой опыт, но ценность этой работы для меня в первую очередь в том, что она вообще состоялась. И проявила для меня ряд болезненных моментов, которые, к сожалению, раньше я по ряду причин либо не замечала, либо неосознанно игнорировала – я имею в виду оголтелую джентрификацию, большой экономический разрыв между бедными и богатыми, несоответствие общего публичного пространства нуждам жительниц и жителей и все в таком духе.
Я смогла в этой работе исследовать одну из маргинальных практик, которые мне интересны и которые обычно проходят без финансовой и\или институциональной поддержки.

ОС: Что ты вкладываешь в понятие “маргинального”?

ВП: Я не являюсь представительницей маргинальных слоев общества. Соответственно и мое искусство не является маргинальным. И те практики, которые мне интересно исследовать (наравне с моими другими основными темами – труд и бедность) я называю маргинальными лишь потому, что они мне кажутся не очень востребованными и иногда с их помощью я пытаюсь избежать мейнстрима. Среди этих практик невидимость, переприсваивание, сложность или непонятность высказывания, отказ от производства, отказ от документации и так далее.
Например, работу на Подоле я воспринимаю как маргинальную (то есть находящуюся на грани, почти выходящую за рамки) по двум причинам. Первая – работа совершенно невидима ни для кого. Она может стать видимой через разговор. Или, например, через предмет, который будет создан под ее воздействием, или который будет к ней отсылать. То есть лишь через дополнительное действие проявляется основное событие. И вот это дополнительное действие – это уже влияние институции. Под влиянием институции маргинальное перестает

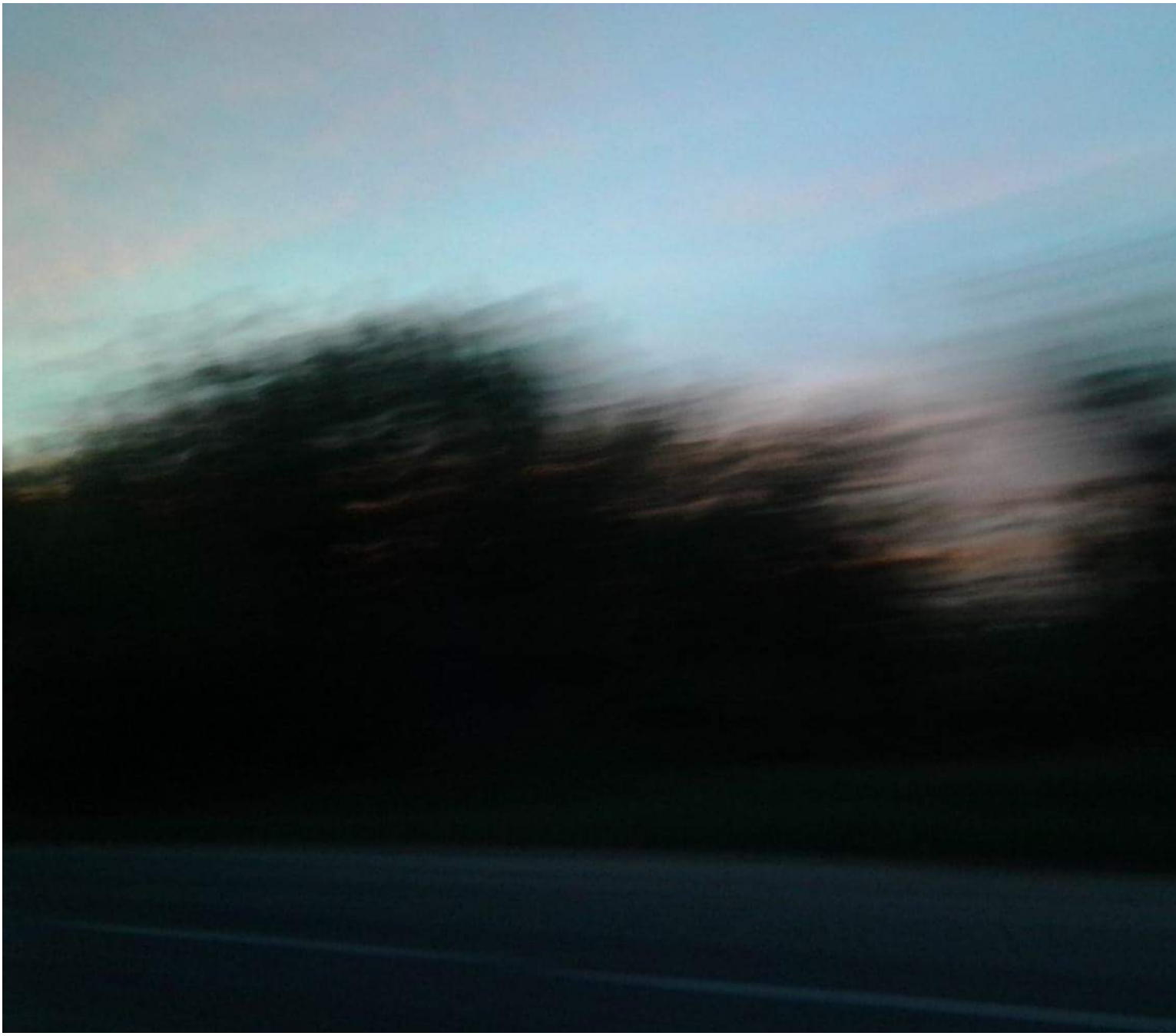
быть таковым либо наоборот – утверждается в этом и продается\выставляется уже исключительно в таком качестве. Например, скульптуры Джудит Скотт. Это маргинальное искусство, маргинальное и прекрасное, и купить его можно где-то приблизительно за 15 штук. И вот как это работает – мне понятно. Но есть много такого, про что мне непонятно как это работает. Особенно если речь идет о взаимодействии с институцией. Вторая причина – это то, что работа ничего никому не дает. То есть, даже если мы отказываемся от того что искусство должно развлекать или быть красивым, я, например, все еще придерживаюсь мнения, что искусство может помочь пережить катарсис или момент истины. Но в этой работе нет ни катарсиса, ни истины, максимум, что в ней есть – это размышление, которое, вполне возможно, интересно только мне, а еще вполне возможно, что оно ошибочно...

ОС: Почему ты решила пойти на это испытание? Если ты хотела заговорить о джентрификации и социальном неравенстве, почему именно таким образом, если сама практика очень маргинальна?

ВП:

Ну, я бы не называла это испытанием. Испытание предполагает некоторую оценку, в плане справилась ли я, достойна ли я, в этом еще много героического (вне зависимости от того, пройдено испытание или нет), а все героическое мне претит. Я никого и ничего не испытывала. Я находилась в определенном физическом состоянии – многие люди в течении своей жизни переживают подобные, похожие, близкие состояния. А вот возможность рефлексии переживаемого – это уже то, что я определяю как свою работу в качестве художницы. И тот разговор о джентрификации и социальном неравенстве, который проявился, это часть этой рефлексии. Не то чтобы я не знала об этом раньше, не догадывалась о социальном неравенстве – и вот внезапно такая новость – оно существует. Нет, это скорее о том, чтобы создать возможность для иного взгляда – привычное мало трогает, посмотреть на привычное как на нечто незнакомое, новое – вот, пожалуй, основная задача, которая стояла передо мной. И сделать это можно разными способами. Я выбрала состояние в дороге. Мне оно кажется удачным инструментом, потому что в дороге мы и так максимально сосредоточены на том, что нас окружает, а физическая нагрузка и усталость обостряют любое переживаемое событие, что позволяет полнее в него погрузиться. Что касается маргинальных практик – на сегодняшний момент мне кажется, что это очень верная форма для сохранения радикальности позиции. Чем на меньшее количество людей ты ориентирована, тем более честной ты можешь быть – и с собой, и с остальными. И если бы моей целью было начать общественный разговор о джентрификации, то я, наверное, организовывала бы конференции и круглые столы, проводила бы исследования и публиковала материалы, в общем я пользовалась бы другими инструментами, которые в данном случае можно обозначить как эффективные. Но искусство – это ведь не о том, чтобы решить проблему с горячей водой в Киеве, совсем не об этом.

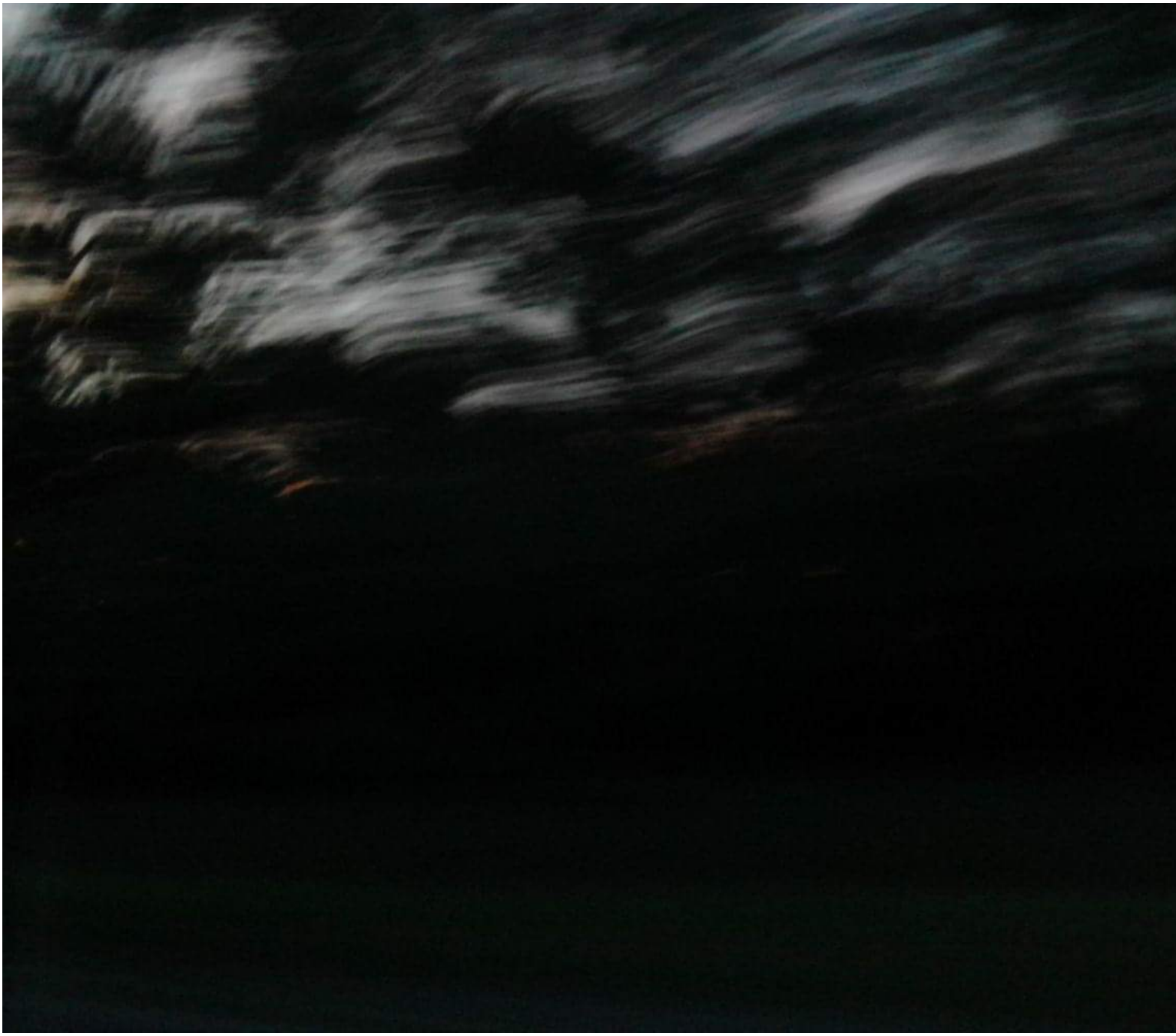
ОС: С каким чувством и/или атмосферой у тебя начался ассоциироваться Подол?

ВП: Во мне Подол всегда вызывал восторженно романтические и ностальгические воспоминаниями. Когда я только переехала в Киев, то жила там полгода. Это был период Майдана и было очень удобно, потому что в любое время можно было туда подойти. После я часто приезжала на Подол на разнообразные культурные события или просто потусить – почти всегда это было связано с приятными, радостными переживаниями. А после первых суток пребывания на улице не было ничего ни радостного, ни приятного. Очень бросалась в глаза разница между бедными и богатыми. Мне было страшно некомфортно там находиться. Часто у меня возникало чувство вины из-за того что я могла себе позволить нормально поесть, в то время как совсем рядом находились люди, которые себе этого позволить не могли. Я все спрашивала себя, зачем я это делаю (акцию “четыре дня в дороге” – прим.авт), проедаю эти деньги, хотя намного честнее было бы просто отдать их бедным (и до сих пор жалею, что так не сделала, не хватило смелости, наверное).

ОС:

То есть, ты ходила с мыслью что когда эксперимент прекратится, тебе не нужно будет постоянно быть в движении, постоянно находиться на улице, испытывать себя и так далее, а эти люди будут жить так каждый день?

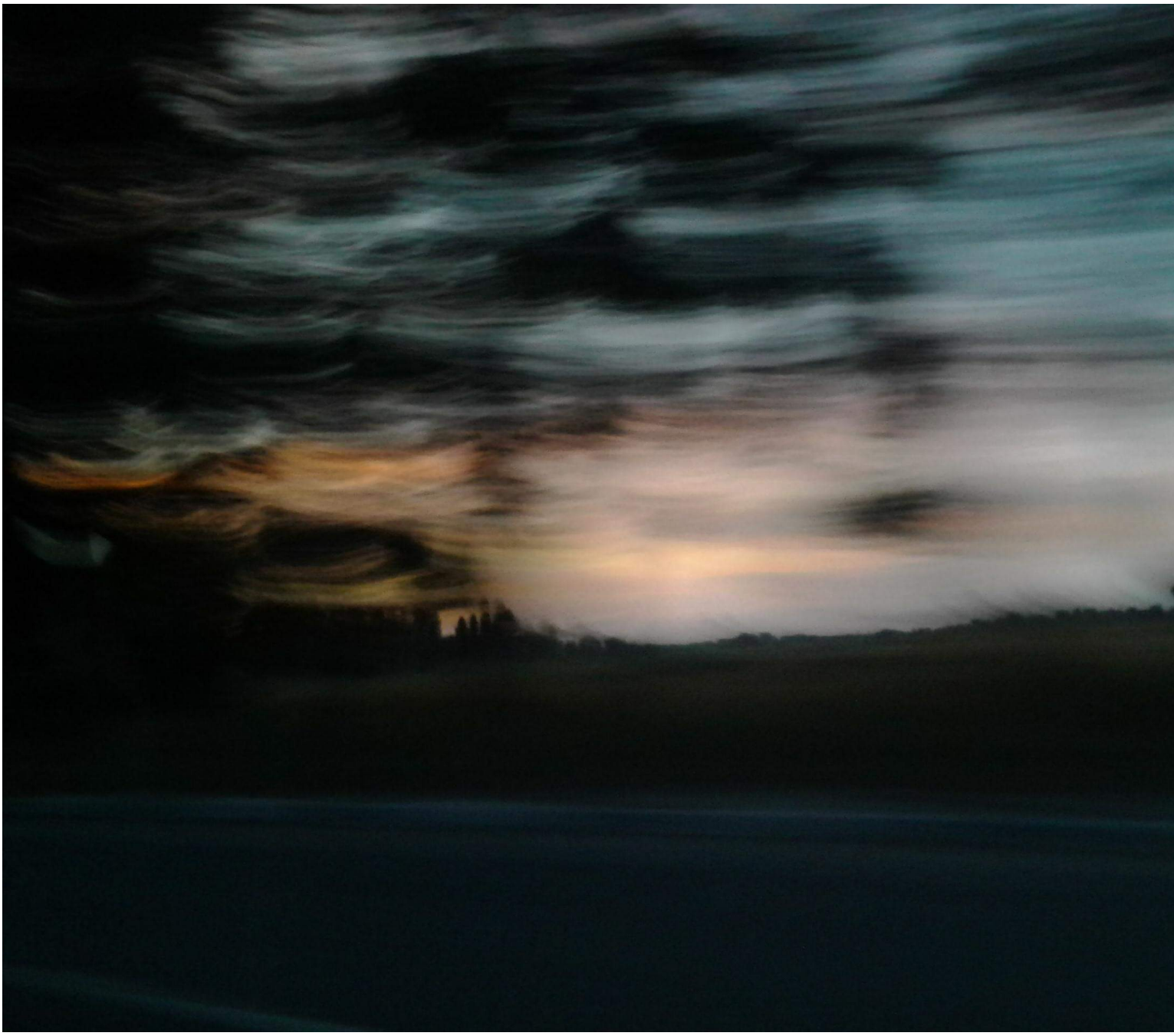
ВП: Нет, это связано с тем, что обычно я беднее, чем была эти четыре дня на Подоле. А когда я настолько бедная, что еле выживаю, чувства вины ни перед кем не возникает.
В то же время, я живу на Левобережной и так много бездомных я там не наблюдаю, скорее всего потому что на Левобережной у них меньше шансов раздобыть еду или деньги. На Валах я часто видела большую очередь, которая выстраивается за обедом (их раздают нуждающимся благотворительные организации – прим.ред). Как-то, уже поздно вечером, я купила себе бургер. Когда я вышла из заведения, увидела человека, которому было холодно и который был похож на бездомного, я отдала ему свою еду. Ему нужнее, а я просто пошла в магазин и купила булку и йогурт, да еще какую-то хрень.
На Подоле проблема бездомных есть, но она никак не решается. Этим должно заниматься государство, ведь зима близится. Есть инициатива, которая кормит людей на Валах, они же записывают людей в ночлежки. Понятно, что мест на всех не хватает. Зато на Подоле дохрена дорогих гостиниц. Я это выяснила, когда искала где переночевать. Самый дешевый номер в GrandHotel стоит 12 тысяч, буквально в нескольких квартарлах Redison, где самый дешевый – 10 тысяч. Некоторые, как Бурса или Staro, ставят свои цены сразу в евро – видимо, они уже часть Евросоюза, поэтому у них такая валюта.
У нас с Надей Чушак был интересный разговор о джентрификации (во время проекта “Четыре дня в дороге” на автостанции Подол – прим.авт). Она говорила, что для нее Подол – это пример классической джентрификации, когда в результате активного культурного движения прежде заброшенные или окраинные территории приобретают коммерческую ценность. Мне же кажется, что джентрификация Подола связана в первую очередь с мифом об исторической и культурной ценности Подола. Например, Бурса становится дорогим отелем не потому, что вокруг нее происходит яркая и насыщенная культурная жизнь, а из-за своего физического расположения. А искусство там так – для пиара, для красоты, может для гордости, для самоуспокоения, что делается что-то стоящее, черт знает.
Классическая джентрификация происходит сейчас с “Гаражами”. И я говорю не только о Хащах, а обо всем этом гаражном массиве, который изначально был местом граффитчиков, художников, там проводились панковские концерты, это было место маргиналов, которые сейчас понемногу оттуда вытесняются. Возможно через пару лет там будут стоять дорогие хипстерские. В общем, мне кажется, давно пора перестать надрачивать на Подол. Насколько будет интереснее, если мы все вместе и одновременно начнем надрачивать, например, на Позняки.

ОС: Урбанист Йен Гел, автор книги “Города для людей” говорит, что справедливый город – это тот, который ориентируется на потребности незащищенных групп. Мне кажется твой эксперимент тоже немного об этом. Ты увидела как город не принимает незащищенные группы и сама почувствовала это, когда стала частью этой группы. Киев в целом не справедлив? И как бы он тогда выглядел, если бы стал таким?

ВП: Тут для меня очень важно уточнить о каких именно незащищенных группах идет речь. Первое, о чем думаешь, – это о людях без постоянного места жительства и о людях бездомных. Так вот, я ни в коем случае не стала частью этих незащищенных групп. У меня были деньги на еду, на гостиницу или хостел (другое дело, что для Подола это оказались деньги незначительные), у меня достаточное количество друзей, живущих на Подоле, которые могли меня приютить, а еще я всегда могла уехать домой на ЛБ, если бы стало совсем невыносимо. Поэтому ни к каким незащищенным группам не надо меня причислять. Рефлексия своих привилегий – это вообще первоочередная задача каждой. Например, я

понимаю, что реализация данного проекта стала возможной лишь благодаря уже наработанному социальному капиталу – а четыре года назад мне ни денег на проекты не давали, ни интервью не брали.
А то, что город не принимает незащищенные группы – таких городов у нас много, вся страна из них состоит. И это уже настолько норма, что даже непонятно, с какой стороны к этому подходить. Два года назад, кажется, весной (необычайно холодной, с дождями, снегами, ветрами, морозами), когда ремонтировали фонтаны на Майдане, их накрыли большими тентами, по типу полевых палаток, и снаружи прикрепили объявление, что это не пункты обогрева. Для меня это какой-то запредельный уровень цинизма. Да, наверное, в Киеве справедливом не будет ни одного фонтана, зато будет много пунктов обогрева. А в Киеве при квир-анархо-коммунизме просто не будет ни угнетенных, ни незащищенных групп.

ОС: Тогда, нужно ли вообще искусство в публичном пространстве? Или оно важно только когда нужно привлечь к этому (возможно конкретному) пространству внимание?

ВП:

Мне кажется, здесь иначе стоит вопрос сформулировать – нужно ли публичное пространство искусству? Ну да, бывает, что нужно. И тогда публичное пространство включается в искусство, искусство включает в себя публичное пространство и необязательно с целью привлечения внимания к этому публичному пространству, перед искусством могут стоять и другие задачи. Все, что наоборот – это социальные практики. В публичном пространстве нужны и искусство, и литература, и театр, и музыка, и кино, но прежде всего в нем нужны пандусы, пункты обогрева, места для отдыха, туалеты, питьевая вода и прочее, вполне базовые вещи, которых нет. Но этими вопросами должно заниматься не искусство (не литература, не кино, не музыка, не театр), а государство и гражданское общество в том случае, если государство по каким-то причинам (в нашем случае по вполне известным причинам – олигархия на управляющих и контролирующих должностях, коррупция, вседозволенность и безнаказанность людей, наделённых властью и т.д.) не справляется со своими функциями.

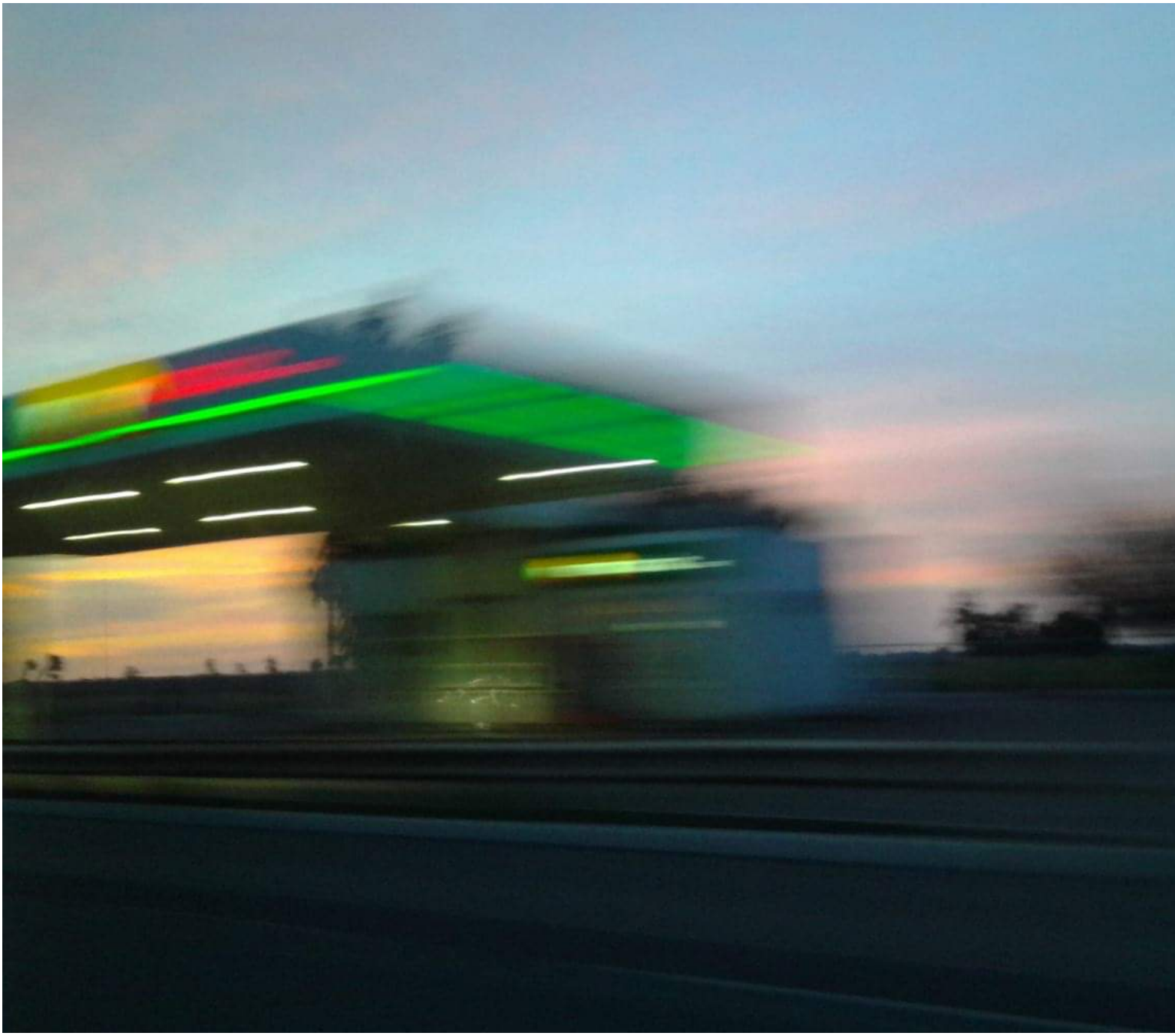

Фото — *Валентина Петрова*